

~~K48~~ ⁵ ^{04K}
21

Bum. 5

Огарованский
Сиратник
Альманах

1

2

3

К 98. 21
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ул. 22, 43.

Содержаніе альманаха:

Игорь Сѣверинъ.—Стихи въ ненастный день (III-VI).

Михаилъ Козыревъ.—Мальчикъ съ картонками (поэза).

Викторъ Ховинъ. Футуризмъ и война.

Безотвѣтные вопросы.

ВЫИ 6

Стихи въ ненастный день *).

III.

Мою страну зовутъ Россіей.
Я въ ней рождень,е люблю.
И если-бъ вы меня спросили,
Молю-ль побѣды ей,—молю!

Да, я молю. Но оттого ли,
Что край мой лучше всѣхъ краевъ?..
Вездѣ краса и святость боли,
И скорбь вездѣ, гдѣ льется кровь...

И люди все же всюду люди,—
Утонченники-ль, дикари-ль,—
Ведущіе въ добрѣ и худѣ
Свою банальную кадрили.

Я, призывающій къ содружью
И къ радостямъ тебя, земля,
Я жажду русскому оружью
Побѣдъ затѣмъ, что русскій—я!

*) Первая и вторая поэмы этого цикла напечатаны въ „Альманахъ Осеннемъ“.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 17828
ул. 22, 43

Ахъ, роднозѣмъ, какъ заусенецъ,
Докученъ, иногда кровавъ.
Кто мыслить глубже, тотъ вселенецъ:
Тогда, какъ я, мой недругъ правъ.

Но если недругъ правъ разбоемъ,
Самозащитою я святъ.
Мы побѣдимъ. И успокоимъ,
И оправдаемъ всѣхъ солдатъ.

IV.

Мы побѣдимъ! Не я, вотъ, лично:
Въ стихахъ великій—въ битвахъ малъ.
Но если надо—что-жъ, отлично!
Шампанскаго! Коня! Кинжалъ!

Великій въ строфахъ—зауряденъ
По паспорту своей страны...
Отъ дѣвушекъ и виноградинъ
Поля кровавыя видны.

Живой всегда надъ жизнью властенъ,
И выборъ есть, и есть исходъ...
Какую же изъ двухъ напастей
Мнѣ выбрать, милый мой народъ?

Вотъ если-бъ я былъ поэтесса!—
На красный крестъ смѣнилъ я мечъ...
Повторны времена Дантэса,
И глупо геніевъ беречь!..

Но издавна дружащій съ рискомъ
Здѣсь я останусь невредимъ,
Тѣмъ болѣе, что въ очень близкомъ
Мы несомнѣнно побѣдимъ.

V.

Провижу день: въ цвѣтахъ застава.
Весна и солнце, и народъ.
Въ улыбкахъ дѣвъ—любовь и слава.
Войска окончили походъ.

Подъ музыку кавалерійскихъ—
И значить щегольскихъ полковъ—
Чужія лица, какъ у близкихъ,
Въ лучахъ расширенныхъ зрачковъ.

Кирасы, каски и кокарды.
Звякъ шпоръ и сабель среброзлатъ.
Блистательны кавалергарды
Въ свѣтилахъ элегантныхъ латъ.

И бѣлоконные гусары
Венгерки приспустили съ плечъ.
Героямъ дѣвы дѣять чары,
Брачуясь радья возлечь...

Отраднo въ этотъ день весенній,
Въ парадный, музычный, цвѣтной,
Не чувствовать былыхъ сомнѣній
Повеселѣвшею душой.

И что еще вчера томило,
Противорѣчьями дразня,
Теперь такъ просто, любо, мило,—
Вчерашнее—не для меня.

Привѣтъ побѣдъ, людямъ, маю!
Цвѣтамъ и чувствамъ молодымъ!
Я мертвецовъ не воскрешаю,
Но ярко радуюсь живымъ!

VI.

Благословенны ваши дома!
Любовь и миръ несу въ страну
Я, выгромлявшій въ небѣ громы,
Зажегшій молніей луну!

Ушедшее непоправимо,
Шампань холодно пролита...
Но жизнь жива! но жизнь любима!
И есть восторгъ! и есть мечта!

Вы, культоры гнилого міра,
Міръ перестройте до основъ!
Бряцай пророчно, Златолира,
Чарунья грезъ, вѣщунья сновъ!

Въ нихъ—людокосящія войны
Невѣроятны, какъ потопъ.
Въ нихъ—убѣжденья непробойны
И милосерднѣй антилопъ.

Не повторятся впредь ошибки,
Васъ устремлявшія къ войнѣ!
Тому порукою—улыбки,
Замотыльчившія ко мнѣ.

Я вѣрю, я охотно вѣрю
Въ людскую свѣтлую судьбу.
Нѣтъ мѣста въ человѣкѣ звѣрю,
Какъ въ гордомъ мѣста нѣтъ рабу!

Игорь Сѣверянинъ.

МАЛЬЧИКЪ СЪ КАРТОНКАМИ.

Засыпеть огнями трамваевъ
Улицы шумнаго города;
Свѣтъ фонарей, извиваясь,
Повиснетъ на ниточкахъ провода;
Трепетно-свѣтлыя клѣтки
Дорогу опутаютъ тѣнями—
Онъ бѣется о жесткія сѣтки
Безмолвно бѣгущихъ движеній,
И блѣдное личико прячетъ
Дрожа, за картонными трубками,
Порхая въ толпѣ, словно мячикъ
Изломами пуганно-хрупкими.
И если толчкомъ слишкомъ рѣзкимъ
Порвутъ веревочки тонкія—
Безсильно заплачетъ на Невскомъ
Надъ упавшими въ грязь картонками.

Михаиль Козыревъ.

ФУТУРИЗМЪ И ВОЙНА *).

„Эй, великіе поэты поджигатели, мои братья футуристы!..

...Мы желаемъ прославить войну—единственную гигиену міра, — милитаризмъ, патриотизмъ и презрѣніе къ женщинамъ...

...Мы желаемъ разрушить музеи, бібліотеки, сокрушить морализмъ и всяческую оппортунистическую и утилитарную трусость.

...Поджигайте же полки бібліотекъ: отводите каналы, чтобы затопить погреба музеевъ...

...Вамъ заступы и молотки: подрывайте фундаменты почтенныхъ городовъ“ **)!

О, великій предтеча, дерзновенный предвозвѣстникъ, поджигатель событій!

Я боюсь показаться наивнымъ, но ему, Маринетти, глашатаю итальянскаго футуризма, готовъ приписать я роковую роль въ міровой войнѣ, охватившей Европу дымомъ сжигаемыхъ „почтенныхъ“ городовъ и „почтенныхъ“ музеевъ.

Я боюсь показаться наивнымъ, но мнѣ чудится, что это Маринетти, или если не онъ самъ, то маринеттистъ прусскаго толка въ каскѣ нѣмецкаго лейтенанта руководилъ толпою ван-

даловъ, поджигавшихъ Лувенъ. Не онъ ли бомбардировалъ Реймскій Соборъ и такой специалистъ по аэропланной части, не онъ-ли сбрасывалъ бомбы на Соборъ Парижской Богоматери?

Еще такъ недавно раскидывалъ маринеттизмъ по Европѣ свои крикливые манифесты, въ которыхъ требовалъ войны... міровой войны!

„Міровая война—гигиена міра“, — шумѣлъ Маринетти и пушечные выстрѣлы, сравнявшіе съ землею „бирюзовый“ Лувенъ, не показались-ли ему прельстительно-призывными зовами грядущаго міра.

Громыхая бумажнымъ мечомъ, рассказываетъ Маринетти въ своихъ манифестахъ о пощечинахъ и апельсинномъ боѣ, которые имѣли мѣсто на выступленіяхъ итальянскихъ футуристовъ. Какъ военачальникъ устраиваетъ онъ смотры своему славному воинству, „батальонамъ“ футуристическихъ поэтовъ на улицахъ то ли Триеста, то ли Венеціи, а потомъ доноситъ: „послѣ триестской битвы, послѣ тумаконъ и звонкихъ оплеухъ, которыми боролись мы въ театрахъ важнѣйшихъ итальянскихъ городовъ“ и т. д.

Это еще не міровая война, это только апельсинный бой, всѣна комедійная, но все же знаменательная...

*) Страницы эти читались на поэзовечерахъ Игоря Сѣверянина въ Петроградѣ и Москвѣ.

***) Манифесты итальянскаго футуризма.

— Мы ставимъ свою цѣль, — гласитъ одинъ изъ манифестовъ, — разрушеніе культа прошлаго, ибо мертвые оладѣваютъ живыми... мы ратуемъ за молодыхъ... мы презираемъ познание, подражаніе, послушаніе... мы отвергаемъ Венецію иностранцевъ, рынокъ плутоватыхъ антикваріевъ и старьевщиковъ, магнитный полюсъ снобизма, огромную клоаку пассаизма.

Сколько, казалось бы, въ этихъ словахъ непомѣрно прекрасныхъ дерзаній, неустаннаго бунга, радостной юности.

Рушится міръ пассаизма и тѣ, кто можетъ вспыхнуть еще порывомъ энтузіазма, тѣ спрашиваютъ: во имя чего? Они готовы простить хвалу пощечинѣ и кулачному бою — зѣ предчувствіи фантастической картины грядущаго міра, въ предчувствіи восторженно грандіозной утопіи, которая вотъ вотъ раскроется предъ ними въ словахъ этого дерзновеннаго фанатика юности.. вѣчной юности!..

Но не спѣшите, сторонники практическихъ схемъ и дѣловитости, не спѣши, побѣдоносная обывательщина, подымать свое оружіе на этого энтузіаста. О, если бы нашелся среди васъ хоть одинъ мудрецъ, который успокоилъ бы ваше возмущеніе при первыхъ же посягательствахъ и истерическихъ волняхъ проповѣдника итальянскаго футуризма; если бы заставилъ васъ вслушаться онъ въ слова Маринетти, ваши сердца затрепетали бы отъ радости, вы бы возгордились тѣмъ, кто плоть отъ плоти вашей..

Во имя чего?

Вы сейчасъ услышите: „мы желаемъ подготовить рожденіе Венеціи промышленной и военной“, а дальше одна изъ фантастическихъ картинъ „футуристической“ Венеціи: „вагоны и трамваи, пущенные по широкимъ улицамъ, проложеннымъ надъ твоими засыпанными наконецъ каналами, будутъ выгружать груды товаровъ среди богатой и дѣловой толпы промышленниковъ и торговцевъ“...

Вы хотите знать, какъ будетъ созидаться эстетика этого псевдо-футуризма: ее создадутъ противорѣчивыя силы Банка (конечно съ большой буквы), революціонныхъ синдикатовъ, металлурговъ, инженеровъ, авіаторовъ... — Эти силы требуютъ не королевскихъ дворцовъ, — пишетъ Маринетти, а большихъ, хорошо провѣтриваемыхъ, домовъ, огромныхъ митинговыхъ залъ и усовершенствованныхъ уборныхъ для быстрого и ежедневнаго ухода за тѣломъ...

Поджигатели Лувена могутъ искать оправданій въ эстетикѣ маринеттизма. — Зачѣмъ этотъ бесполезный городъ, ненужное наслѣдіе прошлаго, когда на его мѣстѣ можно выстроить столько огромныхъ митинговыхъ залъ и столько усовершенствованныхъ уборныхъ, а главное универсальныхъ магазиновъ. Столько Wertheim'овъ!

Идеологи германскаго нашествія, т. е. литературная и научная знать Германіи, недаромъ, подобно Маринетти, говоритъ объ „идеалѣ обновленія“, о „новой культурѣ“, носителемъ ко-

торой на этотъ разъ является прусскій солдатъ-поджигатель.

Идеаль обновленія, внушаемый кулакомъ и пощечиной..

Идеологія маринеттизма необычайно практична, поразительно утилитарна. Истерическіе выкрики о дерзаніи, о бунтѣ, о вѣчной юности, а въ сущности откровенная проповѣдь дѣловитости и пріобрѣтательства. Вотъ совсѣмъ, какъ уличный обрзышь, герой кинематографическихъ неожиданностей города, пораженный грандіозностью универсальнаго магазина и поставившій цѣль своей жизни — весь міръ покрыть сѣтью подобныхъ ему.

Ну, какъ же не грандіозная идея, какъ же не грандіозный замыселъ? Это не просто пріобрѣтательство, а пріобрѣтательство идейное, не безъ энтузіазма и вотъ отсюда то проповѣдь дѣловаго авантюризма, проповѣдь своеобразнаго дерзанія. При этомъ манифесты говорятъ о „методическомъ и повседневномъ героизмѣ“, о „привычкѣ къ энтузіазму“, ибо какая же дѣловитость безъ повселевней методичности, безъ привычки къ ней.

Недаромъ идеологическая формула итальянскаго футуризма гласитъ: „страсть, искусство и идеализмъ дѣловыхъ предпріятій; новая финансовая чувствительность, полное слияніе инстинкта съ полезной работой“.

Гдѣ ужъ тутъ до нѣжныхъ любовницъ, гдѣ ужъ тутъ до нездоровыхъ грезъ. Нужно убить лунный свѣтъ, а солнце закрыть грандіознымъ колпакомъ, ибо увлекательный свѣтъ итальянскаго солнца, этого „юнаго распутника“ соблазняетъ къ пѣнію и танцамъ...

Столько дѣла, столько дѣла: тресты, синдикаты, громадныя заводы...

...При чемъ же тутъ искусство? — спросите вы. Но Маринетти, захлебывающійся въ потокѣ бурно-стремительныхъ, бравурныхъ словъ, вдругъ ужасно неосторожно, ужасно неосмотрительно бросаетъ: „мы вѣримъ въ полезность литературной пропаганды“.

Однако, если искусство — только пропаганда, то что же вообще остается отъ маринеттизма помимо его рыночныхъ словъ?

— Мы желаемъ во чтобы то ни стало вернуться къ жизни, — пишетъ Маринетти. Но вѣдь и радостная пѣснь земли въ лучахъ огневого солнца — также жизнь, вѣдь сплетенія голубыя луннаго свѣта и шорохи сумраковъ ночныхъ — тоже реальность; маринеттизмъ, однако, славить материализованную жизнь, вещную культуру.

Только бы не оскорбить матерію, повторяетъ онъ всегда.

И если вы думаете, что паѣось маринеттизма окрыляется въ борьбѣ съ пассаистскимъ міромъ, пребывающимъ въ сладостной дремотѣ межъ мертвыхъ обломковъ прошлаго, въ борьбѣ съ академическими традиціями и ихъ охранителями, кладбищенскими сторожами, вы жестоко ошибаетесь, г-да. — Это паѣось новаго идеализма,

идеализма дѣловыхъ предпріятій, а двуликій вдохновитель его — проповѣдникъ съ темпераментомъ южанина и съ идеологіей, почерпнутой въ идеалѣ обновленія германизма, — глашатай бунтовщичества съ мечтой о желѣзной дисциплинѣ, властвующей надъ жизнью, съ мечтой о чело-вѣкѣ, умноженномъ машиной, подобно прусской культурѣ, умноженной тяжелыми осадными орудіями...

Мы знаемъ слова другого апологета грядущаго міра, слова геніальнаго фантаста художника, Оскара Уайльда. Эготъ утонченный дэнди, пѣвшій восторженную хвалу безцѣльности и недѣланію, вдругъ совершенно неожиданно превознесъ машину. Вотъ мечтаетъ онъ въ одной изъ статей о томъ времени, когда машина будетъ производить „все“, а люди перестанутъ быть работниками и станутъ... художниками и тогда, о, тогда навѣрное всякая рѣчь станетъ изысканной, а всѣ наслажденія утонченными...

Какъ же не заласкать машину, какъ же не заласкать ее во имя освобожденія чело-вѣка изъ пути того дѣловаго авантюризма, который властвуетъ въ мірѣ маринеттистовъ?

Сторонники повседневно-героизма предостерегаютъ насъ отъ тяжбы съ прогрессомъ; — пусть онъ обманщикъ, — пишутъ они, пусть убійца, пусть воръ, прогрессъ всегда правъ. Невысокой марки, однако, героизмъ, идущій не дальше оплеухи, или во всякомъ случаѣ хорошо защищенный послѣдней крупновской новинкой.

Прогрессъ — убійца, воръ, обманщикъ, но все же... тяжелое осадное орудіе всегда право.

Ну, какъ же маринеттизмъ — не символъ міровой войны?...

И развѣ не вспомнили проповѣдь итальянскаго футуризма тѣ изъ васъ, кто такъ больно, такъ остро почувствовалъ здѣсь предсмертную муку нѣжно-мечтательнаго меланхоличнаго старца Лувена, сѣдѣющаго титана, который, казалось, былъ обреченъ на безсмертіе...

Но разсѣется пороховой дымъ, потухнутъ послѣднія зарницы жутко кровавыя въ голубой лазури, и новое солнце броситъ свои привѣтные лучи истинному футуризму, рожденному у насъ такъ недавно и заглушенному истерикой русскаго маринеттизма.

И если до послѣдняго времени футуризмъ это — по преимуществу кучка вандаловъ, потрясающая міръ наглостью хищническаго и практическаго авантюризма, то религіей истиннаго футуризма будетъ религія неустаннаго созиданія, мятежомъ пламенѣющаго.

Только узкободность вандализма, только вульгарная неосмысленность вульгарнаго фанатизма, воспитаннаго улицей, не можетъ примирить паеосъ религіи грядущаго съ очарованіемъ прошедшаго. Только безобразный догматизмъ заставлялъ этихъ непривлекательныхъ горлановъ вѣстаться за колья и ими разрушать не пышные

мавзолеи и не памятники прошлому, а живой міръ красоты неумирающаго искусства.

И тѣ, кто забальзамировалъ свое вчера и возвелъ свое прошлое въ нерушимый канонъ, — пассажиры, я говорю о толпѣ, и тѣ, кто во имя будущаго поставилъ свою цѣлью обратить въ пепель искусство прошлаго, — ложно назвавшіе себя футуристами, и тѣ, и другіе свершаютъ обряды одной религіи, религіи догматической ограниченности, практическихъ схемъ и мертваго фетишизма.

Но футуристъ это тотъ, чьи уста заалѣютъ восторженнымъ краснорѣчіемъ при созерцаніи новыхъ достижений творческаго духа и въ чьихъ очахъ будутъ зарничить отблески дивныхъ видѣній прошлаго, — не возставшихъ изъ тлѣна мертвецовъ, а царственныхъ властителей междупланетнаго міра, изъ вѣка въ вѣкъ создаемаго творческой волею поэта. „Паровозный свистокъ не испугаетъ его, аркадская свирѣль не утомитъ; для него существуетъ одно только время, мгновенье художественнаго творчества, только одинъ законъ, законъ формы, только одна страна, страна красоты“.

И я повторяю эти слова теперь потому, что именно теперь нужны онѣ въ особенности, теперь полны глубокаго смысла.

— Когда такія событія, искусство не нужно, — говорятъ одни, это тѣ, кому искусство не нужно было никогда. Другіе требуютъ отъ искусства отзвуковъ современности, боевыхъ темъ, восклицательныхъ знаковъ и барабаннаго боя. По этому пути и пошло искусство сегодняшняго дня.

Я отнюдь не хочу лишать поэтовъ права на отзвуки, но въ томъ, что вся эта поэзія — неудачна, неудачна за рѣдкимъ исключеніемъ, что барабанный бой восклицательными знаками на листахъ газетной бумаги вышелъ такимъ холоднымъ и неубѣдительнымъ, нельзя не видѣть искусственнаго, уступочнаго поворота по этому пути.

А между тѣмъ, такъ нужна теперь красота, такъ нужны большія слова, ибо крылатая трепещутъ и лучатся онѣ.

Не бойтесь красоты словъ, ибо красота духа, запечатлѣнная словами, — вдохновенный ваятель красивыхъ поступковъ и героизма...

А вѣдь мы всѣ въ чаяніи красоты героизма.

И что же останется отъ всего того, что переживается теперь, вѣдь не только же кресты на братскихъ могилахъ съ одной стороны, мертвые камни Реймскаго Собора и восклицательные знаки газетныхъ стихотвореній съ другой...

Что же случилось такое, что именно сейчасъ не нужно искусство, не нужна красота?.. Гдѣ же тѣ, кто втеченіе послѣднихъ десятилѣтій утверждалъ, что искусство выше жизни, кто говорилъ о храмахъ и поэтахъ жрецахъ?

Или красота стала бременемъ, молитвы — забавой, а мечтательство — помѣхою?..

Но вѣдь героизмъ рождается не въ залахъ

биржевыхъ собраній, не средь торжища слѣпыхъ и глухихъ, а средь неумолкнувшихъ душъ,—душъ, слагающихъ хвалу яркому солнцу, ласкающихъ всякую пушинку красоты, знающихъ иную боль, не тупую физическую муку...

Впрочемъ, растерянность искусства сегоднешняго дня отнюдь не неожиданность; такъ и должно было случиться, что вотъ теперь, когда искусство такъ нужно, его не оказалось.

...„Пустынно на опушкѣ Олимпа грезовыхъ лѣсовъ“...

За ненадобностью Олимпъ былъ оставленъ, и это случилось не сегодня. Вспомните прошлогодній „литературный сезонъ“, вспомните прошлогодніе диспуты. Столько споровъ, столько мертвыхъ и шершавыхъ словъ. Вотъ тогда то и былъ сданъ Олимпъ...

Олимпъ?.. но это немножко высоко и тамъ трудно дышится. Стали искать корней въ жизни, бросились кто во что гораздъ. Мережковскій и иже съ нимъ, такъ тѣ прямо съ Олимпа скатились въ гущу жизни и попали въ объятія грязной бабищи Альдонсы,—въ объятія простонародной Афродиты. Разъяснили злоумышленнаго и вредоноснаго Тютчева, потомъ стали разъяснять Пушкина, того самаго, который писалъ о звукахъ сладкихъ и молитвахъ. Этому давно жизнью памятникъ воздвигнуть, ну памятникъ мертвымъ камнемъ и останется; за то Некрасова въ живую воду окунули, пусть гуляетъ по путямъ жизни,—пригодится.

А потомъ заспорили реалисты и символисты, и споръ этотъ былъ знаменателенъ. Г-да Львовы-Рогачевскіе и Коганы стали отсылать символистовъ на Олимпъ, тамъ молъ молитесь и сладкими звуками упивайтесь, а у насъ дѣла,—живого, реальнаго дѣла много, не до васъ. Символисты же на Олимпъ итти не хотѣли и увѣряли, что всегда дѣло дѣлали, дѣлу и жизни реальной не измѣняли. Ну, а разъ ужъ тогда о дѣлѣ заговорили и за жизнь хватались, такъ что же теперь остается дѣлать, какъ передъ событіями не склониться.

Сладкіе же звуки?.. Но казалось, что въ послѣдніе годы „сладкость“ звуковъ перестала смущать и только нестѣющіе люди, люди съ наиреальнѣйшимъ уклономъ съ нею никакъ примириться не могли. А вотъ теперь, не читатели, нѣтъ, а сами поэты, тѣ, кто не прочь былъ еще такъ недавно жреческимъ одѣяніемъ щегольнуть, вдругъ растерялись, почувствовали себя лишними и угодливыми стихами и пьесками забарабанили.

Но еще въ прошломъ году, когда русскіе символисты вступили на путь ликвидаціи русскаго символизма, когда изжившіе себя поэты 90-хъ годовъ затерялись въ путяхъ мертвой схоластики, еще тогда писали мы, что русскому символизму предстоитъ окончательно порвать со своимъ прошлымъ, сосчитаться съ нимъ, ибо непримиримы двѣ вѣры,—одна, воплощенная въ образѣ прекрасной Дульцинеи, другая въ образѣ Альдонсы.

Еще тогда писали мы, что русскій символизмъ услышалъ голосъ жизни: „вы оторваны, вы забыли, что кромѣ васъ есть люди... будьте болѣе почвенны, будьте болѣе народны“.

„О конечно, этотъ голосъ зазвучалъ не съ горнихъ высотъ Олимпа; нѣтъ, это проснулась забытая интеллигентская разсудочность, встали изъ заброшенныхъ могилъ тѣни инквизиторовъ, испытующихъ творческій духъ русскаго искусства“ *).

Но мы остались въ сторонѣ отъ доктринерства и теоритизаціи, остались въ сторонѣ отъ попытокъ втиснуть искусство въ русло жизни, отъ попытокъ оправдать его, оправдать „сладкіе звуки и молитвы“ прозаическими словами улицы. Мы не искали оправданій, ибо наше искусство не требуетъ ихъ, мы не искали прозаическихъ словъ, ибо лучшимъ оправданіемъ Искусству была бы свѣтозарная пѣснь во имя его.

Мы Божьей милостью мечтатели,
Мы издаемъ вердиктъ...

Это писала Елена Гуро:

Поклянитесь однажды здѣсь мечтатели,
глядя на взлетъ,
глядя на взлетъ высокихъ елей,
на полетъ, полетъ далекихъ кораблей,
глядя, какъ ходятъ въ небѣ островерхія,
никому не вѣряя гордой чистоты,—
поклянитесь мечтѣ и вѣчной вѣрности,
гордое рыцарство безумія.
И быть вѣрными своей юности
и сбѣту высоты.

Или вы, быть можетъ, скажете, что и эти слова лишнія,—не на „тему дня“, или даже не разслышите ихъ, не услышите молитву поэта, заглушаемую слишкомъ назойливымъ теперь голосомъ жизни? Или хотите примирить насъ съ кровавой маской дѣйствительности и предоставляете злу и пороку, шатающимся по путямъ міра, оправдывать не только свое существованіе, но и бытіе?...

И вотъ теперь, когда искусство стало искусствомъ на тему дня, и что самое главное—выраженіемъ примитивныхъ и бравадныхъ настроеній улицы, когда германизмъ во имя свое не остановился передъ преступнымъ вандализмомъ, когда нѣмецкая литература въ припадкѣ шовинизма грозитъ забыть русское искусство, а послѣднее, ослѣпленное той же идейкой, пренебрегаетъ Вагнеромъ, перестаетъ читать Ницше и грозитъ забыть Гете, мы снова ищемъ оправданій не вдохновенному искусству, но жизни, дѣйствительности, оправданій жертвамъ, которыхъ требуетъ она отъ насъ...

Быть можетъ вы ждете отъ меня сейчасъ литературнаго манифеста, провозглашенія новыхъ поэтическихъ истинъ, которыя должны оправдать наши претензіи на новаторство, нашу оппозиціонность литературной современности.

*) Изъ статьи „Мѣдь гремящая и кимвалъ звучащій“, „Очарованный Странникъ“. Выпускъ третій.

Это вы кричите мнѣ съ листовъ вашихъ газетъ:

Короче! Короче! Вотъ какъ у насъ:

„Послѣднія Извѣстія“!... „Новости Дня“!

Это вы требуете отъ меня жирнаго шрифта, хотите, чтобы я выложилъ вамъ себя по пунктикамъ вашего разграфленнаго мозга, увѣренные, что на маленькомъ блокнотѣ вашей трафаретной мысли запечатлѣется мечтательство о Благоуханной и Сладостной Землѣ.

Вы ждете, что кину я вамъ въ лицо желтую тряпку или „разрубленное слово“, эти блистательныя атрибуты революціоннаго кубизма.

Но насъ не увлекаетъ кажущееся буйство и истерика спекулирующаго новаторства, ибо отверженные художественному вкусу презираемы мы крикливый авантюризмъ. Намъ нечего бояться и обвиненій въ консерватизмъ и немятежности; враждебныя традиціонности и догматизму, не промѣняемъ мы путь творческой свободы на путь преднамѣреннаго осуществленія художникомъ тѣхъ или иныхъ, все равно—старыхъ или новыхъ, теоретическихъ положеній. Мы не хотимъ уподобляться цехамъ и инымъ профессиональнымъ поэтическимъ организаціямъ, въ которыхъ выдаются промысловыя свидѣтельства на принадлежность къ тому или иному міропониманію, опредѣляющему и тотъ или иной творческой методъ.

Но если все же мы и теперь хватаемся за достаточно потрепанную кличку „футуристовъ“, то только потому, что въ самомъ названіи отразилась наша мечта о будущемъ искусства.

— „Футуризмъ“ не опредѣляетъ ни міроощущеніе, ни творческой методъ его представителей, онъ впиталъ въ себя нашъ радостный и увѣренный въ себѣ кличъ:

Искусству будущаго не нужны литературныя школы! Не нужны эти питомники, въ которыхъ бездарь возводится на степень мастерства, а таланты низводятся до ремесленничества. Не нужны и подрядчики этого художественнаго ремесленничества, позорное проявленіе литературнаго профессионализма,—„толстые журналы“ съ ихъ высокой, высокой задачей,—задачей тенденціознаго пріобщенія ко всѣмъ, рѣшительно ко всѣмъ „благамъ и вопросамъ культуры“ своего Митрофанушки, вѣчнаго недоросля читателя...

И если беремъ мы заступы и молотки, то только съ единой воодушевляющей насъ цѣлью,—съ цѣлью разрушенія каѳедры исторіи литературы, этого оплота популяризаторства искусства, гдѣ художественныя откровенія меркнутъ и безлучныя тоскуютъ въ тискахъ прозаическихъ словъ. Это они, историки литературы,—носители школьныхъ традицій, это они создаютъ мервыя литературныя схемы, въ которыхъ тускнѣетъ самость художественныхъ геніевъ среди общихъ мѣстъ и школьныхъ опредѣленій. Трудолюбивые, но безпаѣсные чернорабочіе ненужны они искусству, ибо объ искусствѣ можно говорить только на основаніи тѣхъ

законовъ, которыя вытекаютъ изъ него же, ибо все то, что говорить и судить объ искусствѣ должно быть творчествомъ, вдохновенно рожденнымъ...

Интуитивная критика, идущая на смѣну исторіи литературы и такъ называемой научной критикѣ, своей творческой, созидающей силой, своимъ паѣснымъ порывомъ сжигаетъ безкрылыя, мертвыя слова своей предшественницы и бросаетъ навстрѣчу Грядущему тотъ же кличъ отрицанія школы.

И еще бросаемъ мы Грядущему свою алчную жажду новизны, жесткое презрѣніе къ лишенымъ своего голоса и своего лица, апологію прихоти и каприза творческой воли, восторженность предъ изступленной самовлюбленностью художника, эгоизмъ сегодняшняго дня...

Не спѣшите обвинять меня въ противорѣчіяхъ; правда, еще недавно говорилъ я о немеркнущихъ чарованіяхъ прошлаго и о религіи неустаннаго созиданія; да, я говорилъ такъ, но это не помѣшаетъ мнѣ снова и снова повторять, что каждый сегодняшній день долженъ быть эгоистиченъ, долженъ болѣть самовлюбленностью, долженъ вѣрить, долженъ кричать, что онъ, сегодняшній день, свѣтозарнѣе прошедшаго, что онъ затмилъ вчерашнее и это вчерашнее, если живо оно, то живо призванное къ жизни солнцемъ, вспыхнувшимъ сегодня...

Мы не сторожа желѣзныхъ сундуковъ, гдѣ покоится истлѣвшій прахъ наслѣдія прошлаго. Хранилища его огласить шумами своими вѣчная юность искусства, радостная преимуществами своей молодости, несказанностью и незавершенностью ея.

Мы знаемъ, мы прекрасно знаемъ, что душа сегодняшняго дня проснулась къ жизни въ холодныхъ лучахъ электрическаго солнца, отрешенная истерикой города; быть можетъ завтрашній день забьется въ тискахъ грандіознаго царства желѣза и стали, о которомъ мечтаетъ маринеттизмъ. Быть можетъ...

Но мы не невольники жизни, не пропагандисты и не погонщики медлительно-степеннаго, сытаго буржуа, обожествляемаго толпою прогресса.

„Сквозь мечту“!.. Вотъ путь нашъ, путь тѣхъ, для кого видѣнія становятся величайшей реальностью, а вымыселъ окрыленной души—величайшей подлинностью.

Проникновенно звучатъ слова Иннокентія Анненскаго: „кромѣ подневольнаго участія въ жизни каждый изъ насъ имѣетъ съ нею лично свое, чисто мечтательное общеніе“.

Въ этомъ общеніи таинственномъ рождается новая, доселѣ неслышанная пѣснь отрѣшеннаго, свободно парящаго въ солнечныхъ брызгахъ искусства.

И если аркадская свирѣль не утомитъ насъ, то и паровозный свистокъ не испугаетъ...

Викторъ Ховинъ.

Осень 14 г.

БЕЗОТВѢТНЫЕ ВОПРОСЫ.

I.

„Литературныя недѣли“ „Рѣчи“, отличавшіяся до послѣдняго времени своей исключительной нелитературностью, никчемностью и безвкусицей, все же блистали корректнымъ и абсолютнымъ равнодушіемъ къ тому, что составляло тему еженедѣльныхъ обзорѣній. Но въ номерѣ отъ 5-го января газета вступаетъ на новый путь,—путь полемическаго задора, исключительнаго по своему выраженію для „большой прессы“.

Мы говоримъ о рецензій С. Городецкаго подъ заголовкомъ „Провинціалы“.

— Кольцовъ и Никитинъ были провинціалами—сообщаетъ рецензентъ, но этотъ провинціализмъ—черта ихъ біографіи и только. Однако есть другой провинціализмъ, который подъ извѣстнымъ слоемъ внѣшней культуры таитъ полнѣйшее невѣжество.

«Какой-нибудь докторъ Дапертутто (редакторъ журнала „Любовь къ тремъ апельсинамъ“), какой-нибудь Викторъ Ховинъ (редакторъ „Очарованнаго Странника“») и есть тѣ, кто повинны въ этомъ опасномъ и вредномъ провинціализмѣ...»

Но неужели же Городецкій не подумалъ, сколько вульгарной безшабашности, сколько пошлаго плебейства въ этомъ подчеркиваніи слова „какой-нибудь“?

Неужели же дѣйствительно не можетъ сказать онъ ничего больше о „какомъ-нибудь“ докторѣ Дапертутто, кромѣ того, что сказалъ?

Неужели же не понимаетъ, что въ этомъ полемическомъ задорѣ нѣтъ признаковъ даже самой внѣшней культурности?

И, наконецъ, почему это заблагоразсудилось ему наравнѣ съ названными журналами упомянуть и „Вершины“? Почему „Вершины“, а не „Аргусъ“ или „Огонекъ“, или „Лукоморье“?

Неужели же только потому, что г-нъ Городецкій рьяный и постоянный сотрудникъ этихъ публичныхъ журнальчиковъ?

И откуда у этого автора литературной дешевки и сомнительнаго критика съ весьма некритическими приѣмами все же такое значительное лицо и такая развязность въ сужденіяхъ о культурѣ и творествѣ ея?

Неужто же только потому, что печатался онъ когда то на страницахъ „Вѣсовъ“, журнала истинной духовности и что вынянчила его громадная культура декаданса? Быть можетъ самое раздражающее въ этомъ бывшемъ поэтѣ и есть то, что прикрывается онъ всегда „прошлымъ“, которому обязанъ столь многимъ, но которое ему ничѣмъ не обязано.

И какую же культуру въ настоящемъ можетъ противопоставить Городецкій нашему про-

винціализму,—развѣ только американистическую культуру Аргуса, культуру разгульнаго и опустошающаго душу профессионализма, культуру публичности и уловленія уличныхъ вкусовъ?

Чуждаться этого—ну, конечно же это—провинціализмъ; утверждать противное по Городецкому—значитъ утверждать, что „итальянцы говорятъ по итальянски“.

О, много ихъ теперь, ратоборцевъ за святость искусства, которымъ никакая мысль не нова, но творящихъ подъ сѣнью профессионализма всю невзыскательную „культуру“.

Сте, клю, влю, плю
скую
ую
ю

Этимъ стихотвореніемъ кievскаго кверо—футуриста г. Семенко, «которому и „Очарованный Странникъ“ позавидуетъ», Городецкій хочетъ доказать, что... Игорь Сѣверянинъ издѣвается надъ языкомъ наравнѣ съ г. Семенко.

Однако что же это такое—неразборчивость въ средствахъ или тоже полемической задоръ?...

„Критикуя“ Игоря Сѣверянина позаимствованными и давно извѣстными словами Городецкій сообщаетъ и о какихъ то новыхъ выводахъ, которые будто бы „сдѣлалъ изъ Бальмонта“ авторъ „Громокипящаго Кубка“. Тутъ ужъ конечно полемической задоръ не причемъ, а въ поспѣшности такого утвержденія виновата исключительно акмеистическая прямолинейность и примитивизмъ въ духѣ самаго несомнѣннаго адмизма.

Разставаясь съ „провинціалами“ Городецкій цитируетъ „цѣнныя строки истиннаго поэта“, В. Шаманина:

Въ мірѣ истинныхъ Сократовъ—
Нашихъ сѣрыхъ мужичковъ—
Мало-ль есть аристократовъ—
Что несутъ изъ тьмы вѣковъ
Духъ возвышенной свободы,
Полный мягкой красоты,
Русской благодной породы
Утонченныя черты.

Ну какъ же послѣ этого не повторять, что итальянцы дѣйствительно говорятъ по итальянски, а что претенціозная безвкусица, окрашенная всѣми цвѣтами народности, есть претенціозная безвкусица и ничего больше?

II.

„Другое дѣло—хороши или плохи военные стихи нашихъ поэтовъ... но возникшей въ послѣднее время военной поэзіи никакъ нельзя отказать въ значительности“. Такъ начинается въ „Аполлонѣ“ свою статью о „военныхъ стихахъ“ Георгій Ивановъ.

Правда онъ обѣщаетъ разобраться въ художественной цѣнности поэтическихъ откликовъ

на событія, но при первой же попыткѣ сдѣлать это, едва сказавъ нѣсколько невнятныхъ словъ о „простыхъ и ясныхъ чувствахъ“, замѣнившихъ „недавнія исхищренія пресыщенныхъ собою поэтовъ“, снова бросаетъ: „и если даже написанное до сихъ поръ не имѣетъ большой самодовлѣющей цѣнности, симптоматическое значеніе военныхъ стиховъ—велико“.

Но если такъ, то зачѣмъ же были завѣдомо неосуществимыя попытки и не проще ли было, поговоривъ о „широкихъ и общихъ интересахъ“, о „народномъ голосѣ“ и „душномъ кругѣ индивидуализма“, обойти вопросъ о художественныхъ цѣнностяхъ?...

Георгій Ивановъ однако упрямится;—поэзія,—утверждаетъ онъ,—переродилась отъ „прикосновенія волшебной палочки“, „испытаніе огнемъ“ выдержано съ честью.

Вотъ напр. стихотвореніе Ѡ. Сологуба „Невѣстѣ—воинъ“; стихотвореніе дѣйствительно пріятное, но, увы, Г. Ивановъ не замѣтилъ только одного, что оно наименѣе „военное“ изъ цикла безвкусныхъ военныхъ стиховъ Ѡ. Сологуба.

Вообще критикъ „Аполлона“—весьма сдержанъ и остороженъ въ оправданіи „современной“ поэзіи. Онъ цитируетъ только мало-выразительные и посредственные отклики на событія и потому то, когда читаешь его статью, невольно спрашиваешь: какъ и это все? А гдѣ же то, что является наиболѣе характернымъ и преобладающимъ въ этой поэзіи, гдѣ же потрясающая безвкусица и вульгарный патетизмъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ захваливаетъ Г. Ивановъ *).

И зачѣмъ это въ концѣ статьи такая непріятная поза, не оправдываемый ничѣмъ жестъ: „а что же враги модернизма, поэты изъ „Русскаго Богатства“, поэты изъ бульварныхъ журналовъ—почему они молчатъ теперь, когда говорить—священная обязанность всякаго, имѣющаго голосъ“?

Однако во первыхъ, при чемъ же тутъ модернизмъ, а во вторыхъ, гдѣ грань, раздѣляющая теперь бульварные журналы и „большую прессу“, „косноязычныхъ и истинныхъ поэтовъ“?..

III.

Любовь Гуревичъ въ „Сѣверныхъ Запискахъ“ тоже говоритъ о „войнѣ и современной литературѣ“, но говоритъ и чего-то недосказываетъ, сознательно обрываетъ себя, преднамѣренно бѣжитъ конкретнаго и пребываетъ въ плоскости

*) Примѣчаніе для особо прямолинейныхъ. Какъ же такъ,—спросятъ насъ,—при такомъ отношеніи къ „откликамъ“ и вдругъ „Стихи въ ненастный день“ Игоря Сѣверянина. Какъ? О, это такъ просто. Есть поэзія и макулатура, есть переживание поэта и какой-то невнятный народный голосъ, рупоромъ котораго служитъ ремесленникъ-поэтъ, есть, наконецъ, творческая свобода и есть уловленіе вкусовъ. Или такого примѣчанія мало?..

сложныхъ теоретическихъ построеній. Но все же отказать ей въ нѣкоторомъ своеобразіи взглядовъ нельзя.

Л. Гуревичъ не склонна увлекаться поэзіей сегодняшняго дня и въ этомъ ея своеобразіе; но не подумайте, что критикъ ограничивается несогласіемъ ну, хотя бы, съ утвержденіемъ Г. Иванова, что „испытаніе огнемъ“ выдержано съ честью. Нѣтъ, Л. Гуревичъ идетъ гораздо дальше и вообще предлагаетъ искусству на время войны замолкнуть.

Т. е., какъ замолкнуть?

Да вотъ такъ, „совсѣмъ отказаться отъ работы чистаго творчества“. И если на стр. 56 завѣряетъ она насъ въ томъ, что теперь „вовсе не должно прекратиться всякое художественное творчество“, то на стр. 57 сама задаетъ вопросъ: совмѣстима ли внутренняя страда, переживаемая нами, съ чисто художественной работой? И на этотъ вопросъ всей своей статьей отвѣчаетъ категорическимъ нѣтъ.

— Это неизбѣжно—пишетъ Гуревичъ, ибо взметенный огромностью событій и связанныхъ съ ними собственныхъ переживаній, духъ художника... не будетъ способенъ творчески оформить впечатлѣнія жизни, пока не оформитъ себя самого. Однако въ какой же зависимости находятся между собой творческая работа и взметенность событій, взметенность переживаній, когда психическая уравновѣшенность была закономъ творчества и почему послѣднему мѣшаетъ неразрѣшенность вопросовъ культуры, тогда какъ неразрѣшимость „вопросовъ“ бытія—обильный источникъ творческаго вдохновенія?

— Нужно раньше общими усиліями,—поучаетъ Гуревичъ, выяснитъ вопросъ о томъ, что такое истинная культура и тогда мы спасемся отъ мрака, отчаянія и психическаго разложенія. Ну, а что, если художественный геній не примирится съ этой „истинной культурой“,—разрѣшенность послѣднихъ вопросовъ такъ шатка,—и въ своей непримиренности снова броситъ насъ въ зловѣщую пасть мрака, отчаянія и психическаго разложенія?

„Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ, а настоящій большой художникъ всегда есть орудіе Духа“...

Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ? но зачѣмъ же тогда пугать его взметенностью событій, неразрѣшенностью вопросовъ и неустойчивостью внутренняго равновѣсія?.. Конечно не зачѣмъ и дѣло не въ этомъ, точно также какъ и не въ томъ, что „все поддѣльное въ искусствѣ... гораздо яснѣе чѣмъ прежде ощущается какъ не настоящее“...

Во второй части своей статьи г-жа Гуревичъ становится откровеннѣе. Здѣсь мы находимъ все тѣ же знакомыя и жалкія слова объ индивидуалистахъ, о замкнутомъ и ограниченномъ я, о лозунгахъ „свобода творчества“ и „переоцѣнка цѣнностей“

О комъ говоритъ критикъ? Ну, конечно же, о русскомъ декадансѣ; правда, послѣд-

ний расшибъ себѣ лобъ о стойкость тѣхъ, кого представляетъ Гуревичъ, правда, лозунги растеряны, а ихъ недавніе вѣстители поспѣшаютъ за „Сѣверными Записками“ по путямъ достиженія психическихъ равновѣсій и всяческихъ разрѣшенностей, но все же дѣло идетъ именно объ этихъ лозунгахъ и о той „литературной молодежи, среди которой есть уже не мало психически отравленныхъ людей“.

Такъ значитъ г-жа Гуревичъ просто на просто принадлежитъ къ оздоровителямъ искусства. — Сбъ оздоровленіи кричитъ теперь большинство критиковъ большинства толстыхъ журналовъ и расхожденія ихъ сводятся къ незначительнымъ варіаціямъ рецептовъ, къ незначительному разнообразію перспективъ.

Теперь очевиднымъ становится, для чего говорила Л. Гуревичъ о „поддѣльномъ въ искусствѣ“, о мертвенности и фальши въ немъ. О, конечно, не для того, чтобы сообщить, что это „ненастоящее“. Помимо ненастоящаго вѣроятно было и настоящее въ искусствѣ послѣднихъ десятилѣтій? Но вотъ это то и отрицаетъ она. „Индивидуалистическая культура оперировала преимущественно силами ума и изощренной техники“. Однако каковъ же все-таки взглядъ художественнаго критика на вопросы техники и формы? И въ излишнемъ пренебреженіи Л. Гуревичъ къ этимъ вопросамъ не таится ли пренебреженіе къ искусству вообще, а когда говорить она о скудости человѣческихъ мотивовъ—

мотивовъ совѣсти и сердца въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, когда говорить о какомъ то просвѣтленномъ творствѣ и объ обновленіи жизни на землѣ, то не говорить ли о чемъ то совсѣмъ чуждомъ искусству?“

„Быль ли вѣрны себѣ и своему призванію Толстой, когда, бросая перо, онъ шель обучать крестьянскихъ ребятъ или ѣхалъ кормить голодающихъ? Викторъ Гюго, когда онъ въ 1851 г., отстаивая республиканскія идеи, сражался на баррикадахъ?!!“

Были ли они вѣрны себѣ? Быть можетъ. Это вопросъ личной организаци и разрѣшеніе его лежитъ въ плоскости біографическихъ изысканій.

Но остались ли они вѣрны роли художника? О, конечно же, нѣтъ.

Для Л. Гуревичъ въ такомъ отвѣтѣ есть что то „мертвящее и измельчающее вопросъ о призваніи и роли художника“, но все же... какая хитрая механика въ основѣ ея статьи.— Какъ будто говорится въ ней о поддѣльномъ въ искусствѣ, а думается о „просвѣтленномъ творствѣ“, отданномъ въ услуженіе специфическому обновленію жизни; какъ будто утверждаетъ, что человѣческое не чуждо художнику, а рекомендуется бросить перо и заняться обученіемъ ребятъ; защищается святость искусства отъ преданія его темамъ сегодняшняго дня, но, прикрываясь святостью, не предають ли его инымъ событіямъ иного дня?...

Из-во эго-футуристовъ

„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ“

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ:

5-го (осенняго).

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день (I и II). Д. Крючковъ.—Газетнымъ поэтамъ, Любите поэтовъ, любите (поэзы). Викторъ Ховинъ.—Елена Гуро.—„Людымъ изъ биржевокъ“ Изданіе 2-е (1-е распродано). Ц. 25 коп.

4-го (весенняго).

СТИХИ: Игоря Сѣверянина, Дмитрія Крючкова, Рюрика Ивнева и М. Струве. СТАТЬИ: Келейника—Лимонадная Симфонія, Виктора Ховина—Поэзія талыхъ сумерекъ (И. Анненскій). Свѣнльда—Религія иллюзій (А. Блокъ), С. Вермеля—Театральное дѣйство.

3-го (январь).

СТИХИ: З. Гилпіусъ, Игоря Сѣверянина, Рюрика Ивнева, Дмитрія Крючкова, Вадима Шершеневича, М. Струве и кн. Шахназаровой. СТАТЬИ: Виктора Ховина—Мѣдь гремящая и кимвалъ звучащій, Дмитрія Крючкова—Критикъ-интуитъ (И. Анненскій). Памяти Игнатьева. Библиографія.

2-го (декабрь).

СТИХИ: Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Дмитрія Крючкова и В. Солнцевой. СТАТЬИ: Викторъ Ховинъ. Силуэты русскаго декаданса. I. Печальный пилигримъ-предтеча.—Д. Крючковъ. Церковь въ Листвѣ (Ф. Жаммъ).—Чеботаревская. По поводу нѣкоторыхъ юбилеевъ.—М. Бабенчиковъ. Волшебство внезапное.—Гаэтанъ. Очередное недоразумѣніе. Библиографія.

1-го (ноябрь).

В. Ховинъ. Фанатикъ въ пурпуровой мантии.—Д. Крючковъ. Демимонденка и Лѣсофея (И. Сѣверянинъ).—Келейникъ. „Бѣсы“ Достоевскаго и „бѣсы“ Горькаго.—П. О. „Pour épater les bourgeois“. Вѣхинъ. „Всероссійскій Литераторъ“. (Распроданъ).

Цѣна 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и въ книжн. маг. Вольфа, „Образованіе“ и Карбасникова въ Москвѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв 2. Тел. 45—90. В. Р. ХОЕИНЪ

Открыта подписка на 1915 г. (3-й годъ изданія)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“.

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ „Съверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную ократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и тала свободнаго развитія общественности.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, I. М. Бикерманъ, I. М. Юсова, А. С. Бѣлоруссовъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Усиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Ив. Вольный, В. К. Вольскій, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Н. Л. Геккеръ, Н. Гумилевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Ревичъ, Ю. Делевскій, В. И. Дзюбинскій, В. М. Жирмунскій, Бор. Зайцевъ, Д. О. Заславскій, С. Ф. Знаменскій, А. Золотаревъ, проф. Ф. Ф. Зелинскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Караянидисъ, Керженцевъ, А. А. Кипенъ, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ф. Керенскій, С. А. Клычковъ, А. Кузьминъ, Н. Клюевъ, Григ. Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, О. Я. Ларинъ, И. Е. Лаврентьевъ, Н. О. Лернеръ, К. Аппскеровъ, С. О. Марголинъ, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добровольскій), Н. С. Доброво, П. А. Нилусъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, М. Мишвинъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. Б. Румеръ, А. И. Рубинъ, Рису Садовскій, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Станкевичъ, Янъ Страуянъ, Е. Станскій, Ф. А. Степпунъ, И. Сургучевъ, В. А. Табуринъ, проф. Е. В. Тарле, М. Л. Толмачева, К. А. Треневъ, проф. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугендхольдъ Польшаргъ (Парижъ), Л. Б. Хавкина, М. С. Шагинянъ, Н. Л. Шапиръ, Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, Б. М. Эйхнбаумъ, М. А. Энгельгардтъ, Б. М. Энгельгардтъ, А. П. Чапыгинъ, И. Чацкина, Б. Н. Черненко, проф. Е. Н. Щепкинъ, В. Яковенко и др.

Подписная цѣна на журналъ съ пересылкой на годъ 4 р.—на 6 мѣс.—2р. 50. к., на 3 мѣс.—1 руб. 25 к. Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала Петроградъ, Загородный пр., 21. Въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Издательница С. И. Чацкина.

Любовь къ тремъ апельсинамъ.

Журналъ доктора Дапертутто.

Вышла книга 4-5.

Въ книгѣ: **А. Блокъ.** Кармень (циклъ стиховъ).—**Вольмаръ Люсциниусъ.** Арлекинъ иристрастный къ картамъ (интермедія).—**Графъ Карло Гоцци** (въ переводѣ К. А. Вогака). Историческое разсужденіе и подлинная исторія происхожденія моихъ десяти театральныхъ сказокъ.—**Владимиръ Соловьевъ.** Къ исторіи сценической техники *commedia dell'arte*, 4 и 5. **Глоссы Доктора Дапертутто** къ „Отрицанію театра“ Ю. Айхенвальда. **Лад. Княжнинъ.** О нашемъ современникѣ-Аполлонѣ Александровичѣ Григорьевѣ. Другія статьи.

Цѣна двойной книги 75 коп.

Почтовый адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, 5-я рота, д. 28, кв. 8. Тел. 532-88.

Редакторъ-издатель **Вс. Мейерхольдъ.**

111
1912
Цѣна 22.48.
Издательство

Цѣна двадцать пять копѣекъ.

0uk-69272

